

Александр Мень. О себе...

Воспоминания,

интервью,

беседы,

письма

Александр Мень

О себе...

Воспоминания,

интервью,

беседы,

письма

Издательство «Жизнь с Богом»

Москва 2007

Составители:

Наталья Григоренко, Павел Мень

Редакционная коллегия:

Роза Адамяни, Виктор Андреев, Наталья Григоренко,

Павел Мень, Марина Насонова

Художественное оформление:

Наталья Иванова, Александр Юликов

Компьютерная верстка:

Наталья Иванова

Корректоры:

Наталья Вторушина, Тамара Горячева

Издательство «Жизнь с Богом»

УДК 2

ББК 86.3

М 51

ISBN 978-5-903612-08-6

© Н. Ф. Григоренко, М. А. Мень, текст, 2007

© А. М. Юликов, художественное оформление, 2007

Содержание

7	<i>От составителей</i>
11	О моих предках и родителях
27	О наставниках и учителях
63	Читаю...
85	Найти новый язык для проповеди...
97	Вспоминаю 60-е годы...
181	О людях, встречах...
199	Веду переписку, беседую...
285	Основные жизненные принципы христианства
290	<i>Приложение I</i> Даты жизни и служения
298	<i>Приложение II</i> Перечень трудов протоиерея Александра Меня

От составителей

Со дня гибели о. Александра прошло немало лет. За это время интерес к его творчеству и личности все возрастает. Об этом говорят многотысячные тиражи его трудов и полные залы людей на вечерах его памяти. Духовные дети, друзья и близкие о. Александра не перестают обмениваться своими воспоминаниями и делиться ими с людьми, не знавшими его при жизни. За прошедшее время вышло в свет немало книг и статей с воспоминаниями об о. Александре, авторы которых пытались воссоздать образ дорогого друга, интересного собеседника, необыкновенного пастыря, ненавязчиво, но твердо и вдохновенно открывавшего людям образ Христа, Которого он любил больше всего на свете.

Однако наряду с удачными и точными характеристиками о. Александра в этих воспоминаниях встречаются иногда и вольные трактовки его личности. Соединяясь с распространяющимися среди его почитателей устными фантазиями и домыслами, они становятся источником легенд и мифов. Часто люди искренне и бессознательно приписывают великому человеку то, что на их взгляд еще более возвеличивает его, хотя на самом деле именно отсутствие этого качества делает его по-настоящему великим. Это достаточно распространенное явление, возникающее при почитании выдающихся личностей, и подвигло нас на составление данной книги, куда включены только цитаты самого о. Александра, рассказывающего о себе.

О. Александр всегда был окружен своими прихожанами, сопровождавшими его повсюду, а он дарил им себя. Его воспринимали как нечто, что будет всегда, как солнце, которое светит не переставая. К счастью, нашлись люди, которые, слушая его лекции, беседы или просто прислушиваясь к высказываниям, речам, советам, записывали многое по памяти или же непосредственно на магнитофон, стараясь сохранить для себя и для других голос любимого пастыря, его слова и мысли.

Благодаря этим прихожанам мы сегодня имеем многочисленные записи проповедей, бесед, устных комментариев к библейским текстам,

лекций, заканчивающихся, как правило, ответами на многочисленные вопросы слушателей, и просто воспоминаний о. Александра о себе. В этой связи хочется выразить огромную благодарность Зое Масленниковой, Александру Зорину, Светлане Домбровской, Лидии Мурановой, Марку Вайнеру, Александру Кунину, Владимиру Файнбергу, Михаилу Завалову и другим. Мы хотим также поблагодарить Александра Кремлева, Елену Демидову, Дмитрия Тобиса и Татьяну Алкснис. Они помогли сохранить эти записи, отреставрировать, расшифровать, перевести их в электронный вид и создать настоящий архив. Мы воспользовались записями, в которых, к нашей радости, находились фрагменты и даже длинные рассказы о. Александра о своем детстве, о родителях, о людях, повлиявших на его духовное становление, об учебе в школе и в институте, о выборе священнического служения, о сложных перипетиях самого служения и т. д. К этим текстам, лишь отчасти опубликованным ранее, мы добавили также отрывки из переписки о. Александра и несколько интервью, данных им в последние годы жизни.

Подготовленный сборник иллюстрирован большим количеством фотографий. Одни взяты из семейного альбома о. Александра и его родных, другие — более позднего школьного периода и последующих лет, принадлежат разным авторам. Мы приносим свои извинения за то, что не указали их имена. Некоторые фотографии сделаны Виктором Андреевым, другом юности о. Александра, долгие годы поддерживавшим с ним близкие отношения, другие принадлежат Сергею Бессмертному, которого о. Александр называл «нашим приходским фотографом», Виктору Аромштаму, Вадиму Тарасову, есть и немало замечательных фотографий Софьи Руковой.

При составлении сборника мы старались выдерживать хронологию, однако это не всегда удавалось. Читатель должен понимать, что перед ним не автобиография, а воспоминания о. Александра о себе и своем времени, рассказанные им в разное время и при разных обстоятельствах. Поэтому в конце книги мы поместили в хронологической последовательности перечень основных дат его жизни.

Надеемся, что этот сборник поможет всем интересующимся личностью о. Александра увидеть его таким, каким он был в действительности.

Рассказывая о своем духовном опыте и пути к Богу, о. Александр не раз с большой теплотой и благодарностью вспоминает маму Елену Семеновну, ее сестру Веру Яковлевну, схиигуменью Марию, о. Серафи-

ма Батюкова, о. Бориса Васильева и многих других, во многом определивших его жизненный путь. Это были люди необычайного мужества. В условиях подпольной Церкви, пройдя через лагеря и ссылки, в жесткие годы воинствующего атеизма, они сумели сохранить и передать другим огонь живой веры во Христа. Они явили пример подлинной духовности, лишенной ханжества и церковного формализма. Выросший в этой среде, о. Александр воспринял широту их взглядов, открытость миру и людям. С юных лет он стал понимать, что нет и не может быть такой сферы жизни, которой бы христианство не касалось. «Нет жизни «самой по себе, которая могла бы быть независимой от веры», — писал он впоследствии. — С юных лет все для меня вращалось вокруг главного Центра. Отсекать что-либо (кроме греха) кажется мне неблагодарностью к Богу, неоправданным обеднением христианства, которое призвано пронизывать жизнь и даровать «жизнь с избытком»».

Идейственно, чем бы о. Александр ни занимался — живописью, биологией, Древним Востоком, историей религий, Священным Писанием и, наконец, священническим служением, все было пронизано любовью ко Христу и желанием служить людям. Его жизнь была на удивление цельной, ее невозможно отделить от того, что он говорил и о чем писал. Она стала подлинным свидетельством жизни во Христе и наставлением всем нам, как в обычной повседневной жизни, в трудах и заботах, в отдыхе, в общении с друзьями и недругами, в разных обстоятельствах и в разные времена быть христианином.

Владимир Григорьевич, Елена Семеновна и Алик

О моих предках и родителях

...О моих предках я, к сожалению, знаю не так много, поскольку не очень большое значение придавал «родству по плоти».

Происходили мои пращуры, очевидно, из Польши, если судить по фамилии Василевские (по материнской линии). Но в начале XIX века они жили уже в России, и мой предок был артиллеристом в армии Александра I. Сын его служил 25 лет при Николае I, в силу чего его дети получили право жительства в столицах.

Прабабушка моя, Анна Осиповна, могучая, волевая женщина, рано овдовела, однако сумела вырастить семерых детей: Николая, Владимира, Илью, Якова (отца Веры Яковлевны Василевской), Розу, Веру и Цецилию (мою бабушку). До самой смерти прабабушка командовала ими.

В молодости прабабушка тяжело болела, и ее исцелил отец Иоанн Кронштадтский. Она была религиозной на еврейский лад. Но ее дети стали вольнодумцами, интеллигентами. Еврейского языка (идиш) никто из них не знал.

Трое из сыновей были образованными, инженерами, жили в Москве. Это были мужики большой физической силы и с хорошими, светлыми характерами. Впрочем, Илья был смутьян, и его чуть не приговорили к расстрелу за оскорбление офицера: он был военным, солдатом, офицер оскорбил его в бане, и он своротил тому набок челюсть. Перед судом прабабушка в трауре пришла к генералу, упала на колени и сказала, что он у нее — «единственный». Парня не расстреляли, отправили в ссылку в Иркутск, а вскоре произошла революция.

Все мамины дядья умерли во время [Великой Отечественной] войны от голода. Как все крупные люди, они не переносили недоедания (Илья мог съесть 20 котлет за раз).

Роза была красивой и мечтала стать актрисой, но прабабушка этого не допустила. Роза вышла замуж за землевладельца из Финляндии и осталась там после революции. Ее дети, мои двоюродные дяди,

Анна Осиповна Василевская, прабабушка. Париж. 1911 г.

Храм Благовещения в Харькове, в котором праведный Иоанн Кронштадтский исцелил А. О. Василевскую

выросли там. Один из них погиб во время Финской войны. После смерти мужа Роза уехала в Израиль, где и умерла (туда же уехал и другой ее сын).

Цецилия, моя бабушка, была страстной, волевой, религиозной женщиной. Она мечтала о научной карьере, в 1905 году уехала в Швейцарию и поступила в Бернский университет. Там встретила юного одессита Соломона Цуперфейна и вышла за него замуж. У меня сохранился их брачный контракт. Дед обожал ее до конца дней. Умерли они почти одновременно. Его отец (мой прадед) был одесским контрабандистом бабелевского типа: был отчаянным, страшно пил, имел 22 ребенка, погиб по глупости, когда на спор полез в какой-то котел.

Бабушка и дед кончили университет, факультет химии, с докторскими дипломами. Во время учебы родилась в Берне мама. Дед между лекциями бегал взглянуть на нее. Был он сентиментален, постоянно говорил по-французски (его звали «французиком», быть может, за усы). Окончив университет, они поселились в Париже. Летом 1914 года приехали в Россию навестить родственников. Дед был мобилизован, а семья поехала в Харьков, где и жила до Второй мировой войны. Дед держал потом на стене свою полевую сумку, в которой застряла пуля.

Роза Василевская

Илья Василевский

Яков, Николай и Владимир Василевские. Харьков. 1914 г.

Семен (Соломон) Ильич Цуперфейн

Анна Осиповна Василевская с дочерью Цецилией. 1907 г.

Елена Цуперфейн в Париже

В Швейцарии бабушка слушала речи Ленина и сильно полевела. Потом стала очень советской — с полной искренностью. Поэтому, когда мама в восемь лет потянулась к вере, к христианству, бабушка начала с ней жестокую войну. Но, как стало ясно потом, тщетно. Шестнадцати лет мама сбежала из Харькова в Москву и поселилась у дяди Якова, подружившись с его дочерью Верой¹. Одно время чуть не стала баптисткой...

Среди друзей мамы и Веры Яковлевны в детстве были Кунины и семья Розы Марковны Гуверман². Дружба в два поколения. Иосиф Кунин сейчас музыковед (автор книг «Чайковский» и «Римский-Корсаков» из серии «Жизнь замечательных людей»). Его сестра Евгения, поэтесса, подруга А. И. Цветаевой.

Мать Веры Яковлевны увлекалась Толстым. В их доме я в детстве прочел кучу толстовских книг по религиозным вопросам. Но они тогда вызвали у меня острое неприятие. Только сейчас я оценил Толстого более объективно.

Прабабушка жила с ними. Она настояла на мамином браке и дождалась меня. Я ее помню, хотя она умерла, когда мне было полтора года. (Кстати, прабабушка ездила в Париж проверить, как ведет себя ее дочь в развратной Франции, — при этом не знала французского языка. Есть ее парижское фото в боа и перьях.)

Кроме военных и инженеров, у нас в роду было два писателя: Семен Юшкевич и Василевский (Не-Буква), посредственные беллетристы.

Родителей отца помню плохо. Дед был очень религиозным. Видел я его мало (он жил в Киеве). Его жена (звали ее Дина, ее я не помню) славилась своей мудростью, к ней ходили за советами.

Вот и все, что помню. Классовое происхождение: мелкая буржуазия, интеллигенция и военные.

¹ Вера Яковлевна Василевская (1902–1975) получила блестящее гуманитарное образование (дореволюционная частная гимназия, МГУ, Институт иностранных языков), стала кандидатом педагогических наук, специалистом по педагогике и детской дефектологии, работала в Институте дефектологии. Именно она стала для Александра тем человеком, знания которого в области философии, истории, богословия помогли заложить основы его энциклопедических знаний, увидела

в нем необыкновенные дарования, творческий потенциал и с самого раннего детства всячески способствовала его развитию. О дружбе Елены Цуперфейн (Мень) с В. Я. Василевской и ее пути ко Христу см. кн.: «Катакомбы XX века». М., 2001.

² Кунины, Иосиф Филиппович (1904–1996), писатель, Евгения Филипповна (1898–1997), поэтесса, Роза Марковна Гуверман (1903–2000), искусствовед, жена Иосифа Филипповича.

Владимир Григорьевич и Елена Семеновна Мень в день свадьбы.
15 апреля 1934 г.

Семейное фото Меней, в среднем ряду (слева направо): Ютка и Броха Айзенберги (прабабушка и прадедушка), их дочь Дина и Герш-Лейб Мень (бабушка и дедушка)

Елена Семеновна с новорожденным Аликом. 1935 г.

Вера Яковлевна и Елена Семеновна

* * *

Я родился 22 января 1935 года в Москве, напротив церкви преподобного Симеона (что на Новом Арбате). Кстати, это был день памяти расстрела 9 января и рождения Павла Флоренского.

Мой отец окончил два вуза, работал главным инженером текстильной фабрики. Был очень терпеливый человек, добрый и веселый, но жил в страхе: его любимый брат был расстрелян в первые послереволюционные годы по наговору жены. Папа из-за этого не хотел жениться, женился только в 32 года (хотя атаковал маму много лет — шесть или семь).

В детстве отец учился в религиозной еврейской школе, помнил иврит и иногда читал наизусть пророков. Для него это была просто поэзия: учитель, который оказал на него влияние, был из гаскалы¹, т. е. из светских, и атеист. Он убил в отце веру (хотя настоящим атеистом отец не стал, был просто человеком нерелигиозным).

А моя мать в юности самостоятельно обрела веру, жила любовью к Христу.

Отец был постоянно занят своими делами; он был человеком очень честным, очень работоспособным и весь, целиком, отдавался работе.

Поэтому больше я общался с матерью, человеком глубокой веры, большого оптимизма и жизненной силы, и ее сестрой. Тетя была специалистом по дефектологии, по умственно отсталым детям, занималась с олигофренами и т. п.

Они были христианки, глубоко убежденные, и в самые трудные годы я был воспитан в традициях Православной церкви. И потом уже я это воспринял сам, как каждый человек должен воспринять встречу с Богом — личную; это уже не только традиция, а внутреннее...

Первые воспоминания

Есть такие дворы — серые колодцы (в Москве их, правда, мало). Окна дома, где мы тогда жили, выходили в такой колодец. Я в него смотрел, и было совершенно жуткое чувство: как будто я смотрю в ничто, в бездну. И из нее поднимались гигантские черные птицы... (голуби, которые прилетали клевать зернышки на окне). Это был такой ужас, но не

¹ Гаскала́ (*евр.* просвещение) — еврейское либеральное культурно-просветительское движение, возникшее

в Европе во второй половине XVIII в. и выступающее против культурно-религиозной обособленности.

Алик. 1937 г.

Павел, Елена Семеновна и Алик. 1942 г.

Дом № 38 на Серпуховке, в котором жила семья Меней

страх — я не боялся этого, нет. Ужас. Понимаете, вот серая бездонная пропасть — и из нее поднимается огромная черная птица... Это было не только ощущение! Это было почти на грани *misterium tremendum* — то есть тайны, которая потрясает. Врезалось навсегда: огромные птицы, летящие из бездны, не с неба — неба-то не было, — а из колодца...

С тех пор у меня всегда было особое отношение к птицам, которые парят; хищная птица — летящая, парящая — всегда совершенно особенным образом на меня действовала.

* * *

...В возрасте детском, дошкольном (может быть, в пять лет), особенно меня тяготила бессознательность поступков. Я сам ощущал, что многие поступки делаю несознательно, совершенно механически: я иду куда-то — меня ведут, я что-то делаю... Меня это ужасно удручало и обременяло, я хотел из этого состояния выйти, я хотел ясно отдавать себе отчет: что, зачем и почему. На самом деле это борьба между сознанием и подсознанием. Мне это не нравилось, но выходить на сознание тоже было несколько болезненно. Я остро помню момент, когда я осознал это свое, как говорят экзистенциалисты, бытие в мире: я потерялся в Серпуховском универмаге, вышел оттуда и вынужден был идти пешком домой один... И ощущение собственного одиночества для меня символизировалось в моей тени, которая шла передо мной. Я был в валенках, маленький, тем самым и тень была очень несчастной. Мне казалось, что это путешествие очень длинное...